

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО
ОБЩЕСТВО ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ

А. С. Демин

ПОЭТИКА
ДРЕВНЕРУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
(XI—XIII вв.)

Ответственный редактор
доктор филологических наук В. П. Гребенюк

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА 2009

ББК 83.3(2Рос=Рус)3-001.3
Д 30

Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 08-04-16207

Р е ц е н з е н т ы:

доктор филологических наук *Е. Л. Коняевская*,
доктор филологических наук *А. А. Пауткин*,
доктор филологических наук *Л. А. Софронова*

Демин А. С.

Д 30 Поэтика древнерусской литературы (XI—XIII вв.) / Отв. ред. доктор филологических наук В. П. Гребенюк. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 408 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X

ISBN 978-5-9551-0338-9

В книге изучаются литературные средства и способы повествования, использованные в памятниках древнерусской литературы XI—XIII вв. и придавшие им необычайную выразительность, яркость, а иногда и образность. Наибольшее внимание уделяется летописи — знаменитой «Повести временных лет», которой скоро исполнится 900 лет. Делаются экскурсы в историю общественных устроений древнейшего периода.

Книга предназначена для медиевистов, преподавателей, студентов и всех тех, на кого чтение древнерусской литературы производит эстетическое впечатление.

ББК 83.3

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0338-9

© А. С. Демин, 2009

© Рукописные памятники Древней Руси, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	9
I. Из истории явлений поэтики	
К вопросу об изобразительности произведений древнерусской литературы	13
I. Произведения XI — середины XIV вв.	
1. Переводная литература: изобразительное разнообразие	15
2. Митрополит Иларион: мотив праздничности	18
3. Нестор-агиограф: позы как доказательства	23
4. Игумен Даниил: лирические мотивы	27
5. Летописцы «Повести временных лет»: начатки изобразительности	29
6. Автор «Сказания о Борисе и Глебе»: лирическая изобразительность	34
7. Владимир Мономах: разнородность мотивов	37
8. Киевские летописцы XII в.: оскудение изобразительности	38
9. Автор «Слова о полку Игореве»: героические мотивы	41
10. Авторы XIII — середины XIV вв.: традиционность мотивов	46
II. Памятники Куликовского цикла	
1. «Задонщина»: экспрессия	53
2. «Сказание о Мамаевом побоище»: сложные картины	57
3. «Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича»: поздние мотивы	60
Символика и изобразительность в произведениях XI — начала XIII вв.	69
1. «Повесть временных лет»: благоговение	70
2. «Слово о Законе и Благодати» Илариона: идеализация	75
3. «Житие Феодосия Печерского»: страстность	76
4. «Поучение» Владимира Мономаха: оптимизм	79
5. «Слово о полку Игореве»: героизация	85
6. «Слово» Даниила Заточника: камерность	90
7. «Киевская летопись»: символика и экспрессивность	92
Из истории одного сравнения («аки вода»)	99
1. Предметный смысл сравнения	99

2. Символический смысл сравнения.....	101
3. Жалостливость автора «Сказания о Борисе и Глебе»	102
4. Жалостливость Владимира Мономаха	104
5. Дальнейшая история сравнения.....	108
Семантика перечислений в литературе XI — начала XII вв.....	113
1. Переводные произведения.....	113
2. «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона.....	119
3. «Житие Феодосия Печерского» Нестора.....	123
4. «Повесть временных лет».....	126
Внешность человека в произведениях X — начала XII вв.	137
1. Древнейшие славянские жития	137
2. «Повесть временных лет».....	146
К вопросу о фонде устных припоминаний (Соломон в древнерусской литературе).....	153

II. Поэтика произведения

«Повесть временных лет» и «Хроника» Георгия Амартола	163
1. «Древнейший свод».....	163
2. «Свод Никона».....	168
3. «Начальный свод»	169
4. «Повесть временных лет» Нестора.....	175
5. Третья редакция «Повести временных лет»	181
«Подразумеваемое» повествование в «Повести временных лет».....	185
1. Летописный рассказ об апостоле Андрее (подразумевание необычного)	186
2. Летописный рассказ о словенах и римлянах (подразумевание малодостойного)	200
3. Летописный рассказ о Кие (подразумевание благопристойного).....	202
4. Летописный рассказ о смерти Олега Вещего (подразумевание отрицательного).....	204
5. Летописные рассказы о княгине Ольге и деревлянах (подразумевание зловещего)	213
6. Летописный рассказ о крещении Руси (подразумевание усвоенного).....	217
Изображение древнейших героев в «Повести временных лет»	231
1. Апостол Андрей.....	232
2. Кий.....	233
3. Олег.....	234
4. Игорь.....	238
5. Ольга.....	240
6. Святослав	248
7. Владимир.....	250

Изображение западных народов в «Повести временных лет» и в некоторых других произведениях XI–XII вв.	255
1. Запад и Рим	255
2. Немцы	258
3. Варяги	266
4. Болгары.....	269
5. Поляки	273
6. Венгры	279
Виды образности в «Сказании о Борисе и Глебе»	291
1. «Нагнетательная» образность	291
2. «Срединная» образность.....	296
«Архаизирующее» повествование в «Слове о полку Игореве».....	301
1. «Железные папорзи».....	301
2. «Что ми звенить... рано предъ зорями»	306
3. «Подъ облакы».....	308
Живой ландшафт в «Слове о полку Игореве».....	315
1. К вопросу о пейзаже.....	315
2. Мир животных	322
Разрушение источника (гипотеза о первоначальном виде «Слова о погибели Русской земли»).....	335
Заключительные замечания	349
<i>Приложение. Древняя Русь в новейшей русской поэзии</i>	353
Указатель имен	395

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Предлагаемая книга опирается, конечно же, на известную «Поэтику древнерусской литературы» Д. С. Лихачева, но опыт показывает, что у каждого медиевиста свое понимание задач поэтики и свои излюбленные темы. Так и в данном случае предлагаемая книга, во-первых, является не понятийно-теоретической, а историко-литературной поэтикой, рассматривающей категории поэтики в их живом воплощении в литературе; во-вторых, эта книга (кроме ее первой статьи) посвящена изучению литературы только древнейшего периода XI—XIII вв.; и, наконец, в-третьих, автор книги склонен преимущественно к анализу проявлений образности, картинности, изобразительности в памятниках. Наибольшее внимание уделено «Повести временных лет», которой скоро (около 2013 г.) исполнится 900 лет.

В результате получилась в своем роде «микропоэтика» древнерусской литературы, в серии отдельных очерков систематизирующая и объясняющая эстетический смысл фраз и отрывков в основных произведениях избранного периода, но не касающаяся семантики жанров или больших литературных форм. При таком «узком» подходе и пестроте наблюдений тем не менее удастся затронуть, пожалуй, одну из самых актуальных сейчас тем — «древнерусская литература как литература» — и в связи с этим показать, как нам кажется, главную эстетическую черту литературы древнейшего периода — дробную яркость впечатлений древнерусских авторов при лаконизме выражения этих впечатлений (подобное своеобразие уже отмечал И. П. Еремин).

Не секрет, что поэтика тесно связана с текстологией, семантикой, историей общественных умонастроений и пр. Поэтому в данной книге естественны регулярные «заходы» в эти области, но пока лишь для постановки тех или иных отдельных вопросов. Ведь, например, специально об общественных умонастроениях XI — начала XIII вв. надо писать уже совсем другую книгу.

Тем не менее автор предлагаемой монографии стремился сразу же проверять свои выводы конкретными древнерусскими текстами, а не заниматься абстрактно-теоретическими медитациями, чего, кстати говоря, так не любил Д. С. Лихачев. Хочется надеяться, что в филологическом отношении, в том числе в исследованиях

древнерусского литературного творчества, «постлихачевское» время окажется не менее плодотворным.

Во всяком случае когорта известных исследователей, изучающих древнерусскую книжность и словесность, сейчас отнюдь не малочисленна. В связи с этим автора предлагаемой книги можно упрекнуть в отсутствии историографических очерков по той или иной теме. В свое оправдание скажу, что историографические очерки имеют тенденцию перерастать в широкие самостоятельные обзоры положения дел в современной русистике-медиевистике; я же старался не отрываться от конкретных задач, рассматриваемых в данной книге, и от круга тех крупных научных работ прошлого, которые непосредственно именно с этими задачами связаны. Однако о ныне живущих в Москве и Санкт-Петербурге ученых, их книгах, их подходах, их личностях, помогающих в эстетическом изучении древнерусской литературы, я помнил и помню всегда. Это, в первую очередь (в алфавитном порядке): Е. М. Верещагин, А. А. Гиппиус, В. П. Гребенюк, И. Н. Данилевский, И. Г. Добродомов, А. А. Зализняк, В. В. Калугин, А. М. Камчатнов, А. В. Каравашкин, В. М. Кириллин, Е. Л. Конявская, В. А. Кучкин, М. Ю. Люстров, К. А. Максимович, А. М. Молдован, Т. М. Николаева, А. А. Пауткин, А. М. Ранчин, Л. И. Сазонова, Л. В. Соколова, Л. А. Софронова, О. В. Творогов, А. Л. Топорков, Н. В. Трофимова, А. Н. Ужанков, Л. И. Щеголева, А. Л. Юрганов.

I

ИЗ ИСТОРИИ ЯВЛЕНИЙ ПОЭТИКИ

К ВОПРОСУ ОБ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Произведения XI — середины XIV вв.

Изобразительность повествования является ценной, притом хорошо осознанной писателями эстетической чертой литературы Нового времени, а древнерусская литература вполне могла обходиться без изобразительного повествования, довольствуясь лишь общей его выразительностью. Но отрицать эпизодическое появление изобразительных выражений, а иногда и изобразительных отрывков в памятниках просто невозможно.

Все дело в том, что же именно обозначать термином «изобразительность» и его различные проявления. Определения этого феномена настолько расплывчаты и разноречивы, что лучше всего руководствоваться практическими упрощениями, подходящими для нашей работы. Допустим, в произведении прямо или косвенно назван какой-нибудь предмет и повторения его характеристик составляют некую логическую тему в произведении. Это еще не проявления предметности, а тем более изобразительности. Под предметностью и даже под *изобразительностью* (слабой) мы понимаем связь двух и более предметов, упоминаемых в рассказе, именно предметную детальность характеристик, то есть *предметные мотивы* в отдельных описаниях объектов или предметные сквозные темы о том или ином объекте в произведениях, а как целое — предметные миры произведений, чего в древнерусской литературе немало и о чем в основном пойдет речь при разборе древнерусских памятников.

Под *художественной изобразительностью* же мы понимаем явление семантически более яркое, чем предметная описательность. Тут выделяются два вида явлений. Один вид явлений мы называем *изобразительными мотивами*, которые мы находим в тех частях или отрывках древнерусского произведения, где автором не просто названы предметные детали некоего объекта (героя, события и пр.), но этому объекту приданы необычные, даже фантастические качества, не соответствующие привычной реальной действительности.

Вот, например, рассказ о рождении Иисуса Христа в апокрифическом «Евангелии Иакова», переведенном на Руси рано, возможно, до XII в.¹ Иосиф ввел беременную Марию в вертеп, и пошел искать повитуху, и, как он рассказал, «възрех на небо и видех кругъ солнечныи стоящъ; и видех птица небесныа мольчаща; и, позревъ на землю, и видех делателя възлежаша и не делающа дель своих; и руки их въ опаницах почръплюще и къ устом не приношаху; и жующе, не проглотяхуть; но всем очи бяху на небо зряще; и видех овца женомы, и стояху, не идуще; и възведе пастырь руку, хотя ударити овца, и рука его стояше горé; и позрех в потокъ, и видех уста козлищъ прилежаша к воде и не пьюща»², — странно застыл мир, окружавший Иосифа; застыл даже сам Иосиф: «идыи, не идяхъ». Это художественный изобразительный мотив необычного мирового замедления в ожидании рождения Христа.

В единую изобразительную тему могли сцепляться предметные детали и мотивы на протяжении произведения, причем мотивы или темы могли быть слабыми в предметном отношении, но одновременно в чем-то все-таки изобразительными. Подобные случаи нередки в оригинальных древнерусских произведениях, в чем также можно будет убедиться далее.

Но есть еще другой вид художественной изобразительности, представленный простейшими *художественными образами*, — возникают они, когда у автора один предметный объект ассоциируется с другим предметным объектом, порождая образ-«кентавр» того, что не существует в реальности.

Образы-«кентавры» довольно редки, бедны и чаще всего неоригинальны в древнерусской литературе. Приведем лишь элементарный пример из переводного же апокрифа — «Слова о трех мнисех» (или «Жития Макария Римского») XIII–XIV вв.: у отшельника Макария рядом с его пещерой жила львица с двумя львятами, и когда Макарий согрешил с блудницей, то, по рассказу Макария, «лвища разъгневашася на мя и киваста на мя главами своими, видяще грехъ мои, и звахъ я, и не идоста ко мне. Умолихъ я, и повелехъ имъ ископати яму при угле внутрь пещеры. Ископаста яму когты своими... и придоста лвища, плачущася о мне, и загребоста мя въ яме» (141, стб. 2), — огорченные львы здесь явно очеловечены. Образ очеловеченных львов традиционен и встречается, в частности, уже в «Синайском патерике» XI в.

Образы также могли сцепляться в единую изобразительную тему в произведении, но уже в гораздо более поздней литературе.

Все наши наблюдения не сводятся лишь к инвентаризации предметных и изобразительных деталей, мотивов, тем и образов в памятниках. Мы пытаемся установить причины появления элементов художественной изобразительности или картинности у древнерусских авторов (их *умонастроения*) и даже стараемся предположить, было ли и каким было сообщество писателей в Древней Руси, использовавших способы художественной изобразительности.

Намеченный нами подход в чем-то подтверждает и дополняет, но не отменяет и не подменяет собой других характеристик памятников другими исследователя-

ми, в конечном же счете — позволяет оценить перспективу связи литературы древнерусской с литературой Нового времени, чем успешно уже занимались Ф. И. Буслаев, И. П. Еремин, Д. С. Лихачев.

1. Переводная литература: изобразительное разнообразие

Богатейшей предшественницей оригинальной древнерусской литературы явилась литература переводная, и естественно начать наше исследование изобразительности с переводной литературы. Мы ограничимся наблюдениями над небольшим, но на наш взгляд, изобразительно типичным материалом, — «Успенским сборником» с переписанными в нем житиями, апокрифами и поучениями; разнообразными апокрифами, изданными Н. С. Тихонравовым; отчасти «Хроникой» Георгия Амартола и отчасти же «Шестодневом» Иоанна Экзарха.

Пространные описания строений, одежды, вооружений, войск, болезней, знамен и пр. в переводных памятниках большей частью были фактографичны и почти или вовсе не изобразительны. И все же своего рода «блестки» изобразительности в виде традиционных предметных сравнений, формул и выражений были рассеяны по множеству переводных текстов. Разнообразные «блестки» в описания людей или предметов вносились, например, сравнениями со снегом. Конечно, поминалась белизна снега: «одежа его бела, яко снегъ» (Слово Иоанна Златоуста от сказания евангельского в Успенском сборнике³); «одевание его бело, яко снегъ» (Слово Григория Антиохийского на погребение и воскресение Иисуса Христа в Успенском сборнике, 398); «пътице... белы, яко и снегъ» (Хождение Агапия в рай в Успенском сборнике, 468); «церкы видима, яко снегъ на горе висоце лежащъ видети бяше, зане белыми мраморы уставлена» (Хроника Георгия Амартола⁴) и т. д. Белизна снега служила мерилom белизны: «лежаще хлебъ... белеи снега» (Хождение Агапия в рай в Успенском сборнике, 470); «явиша же ся душа ихъ... паче же седмерицею белеиша, яко и снегъ» (Мучение Вита, Модеста и Крестяница в Успенском сборнике, 229); «яви же ся душа его седмицею белеиши снега» (Мучение Еразма в Успенском сборнике, 220). Одновременно авторы отмечали не собственно белизну, а сияние снега: «святяше же ся тело его, яко снегъ» (Мучение Вита и др. в Успенском сборнике, 227); «акы снегъ сияющаго ся бисьра» (Слово Иоанна Златоуста о собрании собора на Господа в Успенском сборнике, 316). Кроме белизны и сияния авторы иногда припоминали жгучую студеность снега («раждъжена риза, въ ню же ѱ облекоша, бысть студена, яко снегъ» — Мучение Еразма в Успенском сборнике, 215) или быстроту его таяния («тело его растаяше ся, яко снегъ отъ уга» — Мучение Христофора в Успенском сборнике, 187).

Множество иных предметных сравнений и сопоставлений, особенно бытовых, регулярно употреблялось в переводных памятниках, а затем перешло и в произведение собственно древнерусские.

Переводная литература использовала и более развернутый вид изобразительных средств — изобразительные мотивы, составлявшие резкий контраст обычному или привычному в жизни, придававшие остроту сюжетам. Например, на контрастном фоне прекрасной погоды отчетливей рисовалась внезапная страшная буря: «Солнце бяше напушая светлыя своя луца, яко и въ жатву. И вънезапу бысть тьма, и мълния, и громи, и дъждь велии паде зело... Бысть же дъждь въкупъ 3 дни и 3 нощи» (Житие Епифана в Успенском сборнике, 262). Чаще же контрастный фон лишь подразумевался, как например, при описании внешности каких-либо особенных существ, но тем неожиданней развивался тот или иной сюжет: «И видехъ сторожа адовныя, стояща у превеликихъ воротъ: яко аспиды велики, лица ихъ; и очеса ихъ, яко свеща потухлы; и зуби имь обнажени до перси ихъ» (из Книг Еноха Праведного⁵), — на подразумеваемом фоне обычных человеческих лиц это действительно страшилища, которых увидел смиренный Енох. Таким же способом изобразительно выделялись самые разные объекты описаний: необычное поведение людей и животных («Епифанъ же, яко же бяше лежа мъртъвь, въздвигъ ногу свою десную, пхну ѱ въ лице» — Повесть Поливия о Епифане в Успенском сборнике, 292; «святый же Вить, сътвори крестъ, пресилю гневъ львовъ, и текъ львъ, предъ ногама его паде и языкъмъ своимъ отираше потъ лица его» — Мучение Вита и др. в Успенском сборнике, 228); исключительно же изобретательно и помногу изображались физические муки людей, как на этом, так и на том свете («призрехъ еще на огненую реку и видихъ ту человека стара влачима, и погружаше ѱ до колелу, и приде ангель Итмелдюхъ, имыи в руку своєю железо велико, на четьри части остро, и на немъ изволочаше утробу старцю усты» и пр. — Хождение апостола Павла по мукам⁶).

В переводных произведениях использовались и совсем большие, так сказать, «нагнетательные» описания состава и качеств описываемого объекта, выражавшие гиперболизированные или идеализированные авторские представления об объекте. Вот, например, описание умершего человека: «Образъ лежащааго помышляю, нъ ныне его не вижю у него. Къде доброта лица? Не се ли очърне? Къде поковыающии очи ясней? Не се ли растекосте ся? Къде власи лепии? Се отпадоша. Къде възнесеная выа? Се съкруши ся. Къде бъръзыи языкъ? Се умълъче. Къде руку доброта? Се расыпа ся. Къде величъство тела? Се растая ся. Къде ризъ украшение? Се истъле. Къде благоухание и добре воняющия? Се въсмърдеша ся. Къде безумие уносьное? Се мину» (Слово Иоанна Златоуста о терпении в Успенском сборнике, 448). Из этого предметного перечисления парадоксальным образом вырисовывается облик цветущего человека, каким тот, по представлению Иоанна Златоуста, был при жизни, и облик этот безусловно идеализированный, — «великовеличавый человекъ». И мертвец тоже в своем роде идеальный.

«Великовеличавых» людей, застывших в своем величии, в первую очередь и изображали авторы переводных произведений, например, то, как выглядит князь в глазах потрясенного смерда: «Яко же смръдь, и нищъ человекъ, и странъ, пришедь изьдалече... аще се прилучити ему и кнеза видети, седеша въ сраце, бисеромъ по-

кыдане, гривну цетаву на выи носеща, и обручи на руку, поясомъ вълъръмитомъ поясана, и мьчъ златъ при бедре висящъ, и оба полы его болеры седеше въ златахъ гривнахъ и поясахъ и обручъхъ», то долго продолжает «чюдити се красоте» (Шестоднев Иоанна Экзарха⁷), — описан идеально представительный князь, тем более что этот бедный зритель «не бо есть видель на своеи земли того».

Но крупные «нагнетательные» изобразительные мотивы не так уж часто встречались в переводной литературе. Еще более редкими являлись переводные произведения, авторы которых даже в переводе представляли как художники слова на всем протяжении их повествования, правда, не сплошь, а местами.

К таковым относилось, например, «Мучение Иринии» в «Успенском сборнике». Автором этого произведения в самом конце текста был назван старец Апелиян («се же написа Апелиянь старьць духъмъ святымъ» — 160). Этот Апелиян (автор условный или реальный) составил эстетически интереснейшее житие Иринии, используя — случай редчайший — действительно образы-«кентавры». Так, после фактографического описания «столпа» (охраняемой территории, огражденной стенами, с богатыми помещениями и садами, вероятно, в крытых дворах), куда цесарь заточил свою красавицу-дочь Иринию до достижения ею брачного возраста, автором была приведена отчаянная речь заключаемой отроковицы к отцу: «Живу ли мя *въ дврьхъ ада* погребаша, отче? Иде же къ т[ому] не възмогу гла[голати, мате] ре моя слышати, ни иная жены. Солнца не вижду, пьтиць небесныхъ не вижду, нощи и дне не вижду. По земли не хожю, ни обувения требую лепоте... Сьвърьстьницъ своихъ не вижду, — всея твари лишаю ся» (136–137). На благоустроенный «столп» были перенесены признаки мрачного преддверия ада, — возник несомненно трагический образ.

Однако, образ столпа — адского преддверия у автора жития был все-таки неотчетливым; далее в житии автор лишь однажды еще раз затронул эту тему, но уже не в связи со «столпом»: очередной, второй цесарь, мучитель Иринии, «повеле быти рову 30 стопъ въ высоту и въ широту и въметати ту аспида, и ехидны, и керасты, и василискы, и тгда въврещи деу, и въскоре беседовати ей къ аду» (147), — на этот раз ров предстал как преддверие ада.

Автор жития проявил лишь эпизодическую, но все же склонность к созданию образов-«кентавров», по крайней мере, еще два раза. Так, автор рассказал о необычайно изощренном мучении Иринии: третий цесарь, тоже мучитель Иринии, «повеле въбити ей въ пята 300 гвоздии; и, насыпавше же вретище песька, възложиша на плещи ея; и въложиша ей въ уста бръзды, преподобьней деве, влачаще же ю, *яко и скоть* ... слугы потязяюще бръзды, влечаху къ граду, ругающе ся» (152), — на Иринию были перенесены признаки скотины, подкованной гвоздями, тяжело нагруженной и с проклятиями тащимой под уздцы. Сама Ириния это подтверждала: «въ истину, *яко скоть* быхъ у тебе, Господи».

Но до того образ-«кентавр» остался совсем не развит автором: конь «устрьмивъ ся на цесаря и, зубы емъ, укуси ему десную руку, *яко травы*... цесарь паде

на земли и издыше» (144), — откушенная конем «травяная» рука цесаря изобразительно эффектна, но упомянута мимоходом.

У всех этих трех образов-«кентавров», а также и у иных изобразительных средств в житии бесспорной была принадлежность к единой изобразительной теме, пронизавшей все произведение, — автор живописал тяжелейший физический ущерб, нанесенный персонажам, притом не только мученице, но и ее мучителям или вообще лицам или объектам посторонним. Даже ребенок мучился: «отроча 6 лет утрапиво и зело исъхло, исхожаху бо ему из ноздри чървие съгноемь, врежена ему слуха, немо и глухо, и отинудь вьсеми болезньми одьрьжимо» (153). Природу тоже донимали болезненные катаклизмы: «вънезапу же бысть въздухъ, и съмятение, и быша мълния, и громи, и боязнь велика ... съмушающю бо ся аеру, бысть трусь великъ» (149), далее «вънезапу зину земля» (152) и пр. Длинная череда мучений Иринии была самой разнообразной, она, пожалуй, несколько гуще их обычного, традиционного набора в мученических житиях, на основании чего автора «Мучения Иринии» старца Апелияна можно заподозрить в искусстве показывать «хытрость мукам» (147), правда, без жестокости (у автора подавляющее количество мук либо не ощущались героиней, либо оканчивались исцелением и воскрешением большинства пострадавших персонажей, кроме самых мерзких, либо служили лишь высказываемой, но не сбывшейся угрозой). Таков был один из образчиков переводной литературы, больше других приближавшийся к художественно-изобразительным, а не просто повествовательным произведениям, однако не оказавшей заметного влияния на древнерусских писателей. Переводная литература составила своего рода изобразительный «филиал» на Руси, но для уверенного вывода на этот счет сначала надо обозреть оригинальные древнерусские памятники, чем мы и займемся далее.

2. Митрополит Иларион: мотив праздничности

Древнерусские писатели все-таки шли своим путем соответственно своим умонастроениям. Так, митрополит Иларион в своем «Слове о Законе и Благодати», можно сказать, воздержался от изобразительных мотивов, а ограничился лишь мотивами предметными.

В своем «Слове» Иларион многократно затрагивал предметный мотив торжественных людских соборий. Это одна из основных предметных тем его «Слова», которое он начал с обозначения некоего сообщества небесных сил и людей, как бы одновременно занятых торжественным поклонением Богу, пришедшим на землю: «Да хвалимь его убо и прославляемь, хвалимааго от агтель беспрестани, и поклонимся ему, ему же поклоняются херувими и серафими, яко призря призри на люди своа... пришедь на землю»⁸. Степень ясности, предметности, а тем более изобразительности мотива торжественного собрания людей в этом отрывке очень мала,

потому что проповедник больше был сосредоточен на богословских отвлеченных рассуждениях.

Но далее Иларион снова и уже прямо упомянул торжественное людское собрание вкупе с ангелами, на этот раз по-своему пересказав библейскую историю: «сътвори Авраамъ *гоститву* велику... гоститву и пирь великъ тельцемъ упитеным... съзвавъ на едино веселие небесныя и земныя, съвокупивъ въ едино аггелы и человеки» (16). Никакой попытки Илариона придать хотя бы слабую изобразительность повествованию не наблюдается.

И все же дальше Иларион вновь упомянул людское собрание, правда, уже на небе: «мнози ото вѣстокъ и западъ приидут и *възлягутъ* съ Авраамомъ, и Исакомъ, и Аковомъ въ царствии небеснемъ» (23), — упоминание о собрании совсем мимо-летное, притом в составе евангельской цитаты, не специально посвященной теме людского собрания и, скорее всего, лишь формально примешавшейся у Илариона к данной теме.

Однако потом Иларион опять вспомнил о торжественном собрании людей, как бы одновременно поклоняющихся Спасу: «... распятому поклонитися... руки к нему въздеваемъ... друг друга и весь животь нашъ тому предаемъ... *въ всех до-мех* своих зovemъ... молимъ Бога...» (25). Предметности тут чуть побольше, чем в предыдущих мотивах людского собрания, но изобразительности — нет снова.

Затем Иларион отметил собрание людей в «земли гречьске»: «кланяются... *церкви* люди исполнены... вси гради... вси въ молитвах предстоять» (27). Мотив одновременного собрания людей (пусть и отдельными «кучками») в очередной раз был неявно выражен Иларионом, погруженным в историко-церковные припоминания по поводу крещения Руси.

Наконец, Иларион перешел и к собранию русских людей: «и *въ едино время* вся земля наша... мужи и жены, и малии и велиции, — вси люди исполнеше святыа *церкви*» (28–29). Но и тут Иларион остался верен себе, лишь мимоходом затронув мотив торжественного людского собрания.

В общем, тема людских собраний все же как-то привлекала Илариона, отчего он любил перечислять в «Слове» различные скопления людей, — новозаветные (перед Христом «слепыа... прокаженыа... сълукия... бесныа... раслабленыа... мертвыа» — 21), ветхозаветные («царие земьстии и вси людие, князи и вси судии земьскыи, юноше и девы, старци съ юнотами да хвалять имя Господне» — 26), но больше всего русские собрания («всемъ быти христианомъ, — малыим и великыимъ, рабомъ и свободным, уным и старым, бояромъ и простым, богатыим и убогыимъ» — 28; перед Владимиром посчастливилось предстать «убогыимъ... сирымъ... боляциимъ... дльжnymiъ... вдовамъ... всемъ требующимъ милости», «нагыимъ... альчьнымъ... жаждюциимъ... вдовицамъ... страньнымъ... бескровнымъ... обидимымъ... убогыимъ» и т. д. и т. п. — 30, 34).

Однако тема торжественных людских собраний осталась в «Слове» второстепенной, не очень отчетливой, минимально предметной и почти не выраженной изобразительно, что соответствовало сложному характеру «Слова» Илариона —